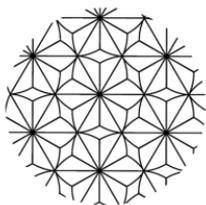
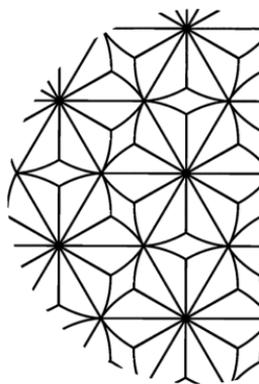

ХАН ГАН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
ПОСТУПКИ

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

МАЛЕНЬКИЙ ПТЕНЕЦ

Кажется, пойдет дождь.

Я повторяю эту мысль вслух:

Что будет, если и правда польет дождь?

Я прищуриваюсь и смотрю на деревья, стоящие перед главным зданием Управления провинции. Это гинкго. Кажется, будто между качающимися ветвями образ ветра вдруг станет видимым. Как капли дождя, на мгновение замершие в воздухе, вдруг разом засияют драгоценными камнями, и останутся сверкать в пустоте.

Я раскрываю глаза. Очертания деревьев не расплывались так сильно, когда несколько минут назад я смотрел на них, прищурившись. Все-таки надо было закапать себе очки. В моей памяти всплывает широкое лицо старшего брата. На нем прямоугольные очки в роговой оправе цвета каштана. Вскоре его образ вытесняется громкими криками и рукоплесканиями, которые доносятся со стороны большого фонтана на центральной площади города. Брат говорил, что очки постоянно сползают с переносицы, а зимой, когда с улицы приходишь в помещение, стекла запотевают и ничего не видно. А у тебя зрение больше не ухудшается, поэтому, может, очки и не нужны?

— *Слушай, когда с тобой по-хорошему говорят. Чтоб сейчас же был дома!*

Ты мотаешь головой, чтобы стряхнуть с себя этот сердитый окрик брата. Из громкоговорителя, установленного перед фонтаном, разносится высокий голос молодой женщины, ведущей траурную церемонию. Ты сидишь на ступенях лестницы перед входом в спортивную школу, откуда фонтан увидеть нельзя. Если хочешь хотя бы издалека посмотреть на церемонию, нужно обойти здание справа. Но ты упорно продолжаешь сидеть на своем месте, прислушиваясь к словам женщины.

— Внимание! Наши любимые граждане сейчас прибывают сюда из больницы Красного Креста.

Она запекает государственный гимн. Голоса нескольких тысяч людей сливаются, один за одним выстраиваются в сплоченный хор и, как громадная башня, устремляются ввысь. Среди них уже не различить голос ведущей. Ты тихо подпеваешь этому мотиву, напряженно взлетающему вверх, достигающему кульминации и резко падающему вниз.

Интересно, сколько их всего — мертвых людей, прибывающих сегодня из больницы Красного Креста? Когда утром ты спросил об этом Чинсу, он ответил кратко:

— Около тридцати.

Пока припев этого гимна, тяжелого как громадная башня, устремлялся ввысь и рушился вниз, с грузовиков один за другим спускали тридцать гробов. Их поставят рядом с теми двадцатью восемью, которые ты и старшие товарищи утром перенесли из школы к фонтану.

Из восьмидесяти трех гробов, находившихся в школе, к общей траурной церемонии были подготовлены двадцать шесть. Однако родственники погибших, при-

шедшие вчера вечером, опознали еще два трупа. Их положили в гробы, поэтому их стало двадцать восемь. Ты вписываешь имена погибших и номера гробов в учетную книгу, охватываешь их длинной скобкой, а затем помечаешь надписью «Общая траурная церемония — 3». Чинсу наказывал внимательно вести учет, чтобы один и тот же гроб не оказался в списке дважды.

Тебе хотелось хотя бы раз побывать на церемонии прощания, но Чинсу велел оставаться в школе.

— А вдруг кто-то придет, пока нас не будет? Смотри внимательно.

Все старшие товарищи, работавшие вместе с тобой, ушли на площадь. Родственники покойных, прошедшие несколько ночей рядом с телами, медленно побрели за гробами к выходу. К левой груди каждого крепился черный бант, а нутро под ним, казалось, было набито песком или тряпками, как у огородных пугал.

Ынсук до последней минуты не хотела оставлять тебя в этом зале одного, но ты успокоил ее. Ты сказал, что совсем не обижаешься, и поторопил ее. Она улыбнулась, обнажив слегка выпирающие зубы, из-за которых выражение ее лица — как при неловкой ситуации, и даже когда она, чувствуя вину, выдавливала улыбку, — казалось немного шаловливым.

— Ну тогда я только начало посмотрю и тут же вернусь.

Оставшись один, ты уселся на ступенях лестницы перед входом в школу. На колени положил учетную книгу в грубом черном переплете. Через спортивные брюки ощущался холод бетонной лестницы. Застегнув на все пуговицы куртку спортивного костюма, ты крепко обхватил плечи и скрестил руки на груди.

Гибискус, три тысячи ли, прекрасные горы и реки

Ты замолкаешь, уже не поешь вместе со всеми. Снова и снова повторяешь слово «прекрасная», и в памяти всплывает входящий в него знак 麗, который ты выучил на уроке иероглифики. Он состоит из множества черт, и сейчас ты вряд ли сумеешь написать его правильно. Что имеется в виду — горы, где растут прекрасные цветы, или то, что горы прекрасны, как цветы? На иероглиф наплывают кусты мальвы. Высокие, выше твоей головы. Те, что цветут летом в уголке вашего двора. Ты закрываешь глаза, хочешь как следует представить длинные прямые стебли, а на них — распускающиеся бутоны, похожие на белые тряпичные розеточки. Прищуриваешься и видишь гингко, по-прежнему качающиеся на ветру. Через эту ветряную завесу пока не пробилась ни одна капля дождя.

*

Гимн закончился, однако гробы, видимо, еще не успели разместить как следует. Сквозь шум толпы прорывается чей-то приглушенный плач. И, видимо, чтобы заполнить тягостные минуты молчания, женщина у микрофона предлагает спеть народную песню «Ариран».

Любимый, что оставил меня,
Не пройдет и десяти *ли*,
Как почувствует боль в ногах.

Рыдания смолкают, и снова раздается голос женщины: — Давайте помолимся за любимых, ушедших раньше нас.

Гомон, в котором смешивались тысячи людских голосов, разом стихает, и ты удивляешься неожиданно

гулкой тишине, нависшей над центром города. Вместо того, чтобы молиться, ты встаешь. Сунув в подмышку учетную книгу, поднимаешься по лестнице к приоткрытой двери школы. Достоешь из кармана брюк марлевую повязку и надеваешь ее.

Жгут свечи, но эффекта никакого нет.

Тыходишь в спортивный зал, где раньше занимались дзюдо, и морщишься от ужасного запаха. Погода портится, поэтому кажется, что уже наступил вечер. У входа стоят гробы, уже прошедшие траурную церемонию, а у широкого окна лежат тридцать два тела, накрытых белой тканью. Они пока не положены в гробы, потому что родственники покойных еще не объявились. Перед ними тихо догорают свечи, воткнутые в пустые бутылки из-под воды.

Ты идешь в конец зала. Смотришь на вытянутые силуэты семи трупов в углу. Они закрыты белой тканью полностью, с пяток до самой макушки, и их лица ты показываешь только тем, кто ищет девушек или девочек. Показываешь всего несколько секунд. Уж очень страшно они изувечены.

Хуже всех выглядит женское тело в самом углу. Впервые увидев его, ты подумал, что это труп маленькой девушки лет девятнадцати или двадцати с небольшим. Но тело, постепенно разлагаясь, раздулось до размера взрослого мужчины. Каждый раз, откидывая белую ткань перед родственниками, потерявшими дочь или младшую сестру, ты удивляешься, как быстро гниет труп. На лице девушки, от лба до левого глаза, на скулах и подбородке, а также на левой оголенной груди и боку ты видишь множество колотых штыковых ран. В правую часть черепа, видимо, ударили ду-

бинкой, и в проломе виднеется мозг. Открытые раны гниют быстрее. Вслед за ними разлагаются части тела, где есть синяки с кровоподтеками. Пальцы ног с аккуратными, покрытыми прозрачным лаком ногтями, невредимы. Но даже они, чистые, со временем увеличиваются, становятся похожи на толстые корешки имбиря и затем темнеют. Плиссированная юбка в горошек, еще недавно доходившая до голени, теперь уже едва прикрывает колени.

Ты возвращаешься к входной двери. Из коробки, оставленной под столом, достаешь новые свечи и возвращаешься к покойникам. Зажигаешь свечи от огарка, тускло мерцающего в изголовье. Как только огонь перекидывается на фитиль, задуваешь огарок и осторожно, чтобы не обжечься, вынимаешь его из бутылки. На его место вставляешь новую свечу.

Ты стоишь, наклонившись, держа в руке еще горящую свечу. Терпя смрад, от которого, кажется, вот-вот пойдет носом кровь, смотришь на огонек. Тусклое пламя свечи, якобы уничтожающее трупный запах, трепещет и разгорается. В центре пламени, словно подмигивая тебе, плавно колышется оранжевый огонек. Ты зачарованно смотришь на синевато-зеленое свечение вокруг трепещущего фитиля. Оно похоже на маленькое сердечко или семечко яблока.

Не в силах больше выносить смрад, ты выпрямляешься. Оглядываешь темный зал, и огоньки всех свечей, что колышутся в изголовьях убитых, пристально вглядываются в тебя, точно тихие зрочки.

Вдруг тебе в голову приходит мысль: а куда исчезает дух человека, когда умирает тело? Как долго дух находится рядом с телом?

Ты идешь к выходу, попутно проверяя, не осталось ли огарков, требующих замены.

Когда живой человек взглядывается в мертвого, может, рядом с телом витает и его дух и он тоже смотрит в лицо человека?

Прежде чем выйти из зала, ты оглядываешься. Духов нигде не видно. Только хранящие молчание мертвецы и невыносимый трупный смрад.

*

Сначала эти люди лежали не в спортивной школе, а в коридоре отдела по работе с обращениями граждан Управления провинции. Ты растерянно смотрел на двух девушек, одна из которых носила летнюю форму с широким воротником, как старшеклассница женской школы Суфия, а другая была в обычной одежде. Обе влажными полотенцами оттирали засохшую кровь с лиц мертвых и с силой пытались выпрямить согнутые руки, чтобы уложить их вдоль туловища.

— Ты зачем пришел? — спросила девушка в школьной форме, подняв голову и стянув маску на подбородок.

Круглые, немного навывкате, глаза придавали ее лицу миловидность, а на разделенных пробором волосах, заплетенных в косички, торчало множество пушистых завитушек. От пота волосы прилипли ко лбу и вискам.

— Я ищу друга, — ответил ты, опуская руку, зажимавшую нос от ужасного запаха.

— Вы договорились здесь встретиться?

— Нет. Может, он среди этих людей..

— Ну тогда смотри, здесь ли он.

Ты спокойно осмотрел лица и тела двадцати с лишним человек, лежащих в коридоре вдоль стенки. Если уж проверять, то надо хорошенько вглядываться в каждого. Однако задерживать взгляд на лицах было трудно, поэтому ты все время моргал.

— Нету? — спросила девушка в обычной одежде и выпрямилась. На ней была светло-зеленая рубашка с закатанными до локтей рукавами.

Сначала ты принял ее за ровесницу девушки в школьной форме, но когда взглянул на лицо без маски, то увидел, что ей лет двадцать пять. Она казалась хрупкой из-за тонкой шеи и желтоватой блеклой кожи. Однако в разрезе ее глаз чувствовалась сила. И голос звучал четко.

— Нет.

— А в университетской больнице и морге был?

— Был.

— Где же родители друга, что ты сам ходишь и ищешь его?

— У него только отец, работает в другом городе, в Тэчжоне, а друг вместе со старшей сестрой снимают комнату в нашем доме.

— Междугородней связи и сегодня нет?

— Связи нет. Я несколько раз пытался позвонить.

— Ну а где сестра друга?

— В воскресенье она не вернулась домой, и мы с другом ходили ее искать. Но вчера, когда недалеко отсюда началась стрельба, кто-то из соседей видел, как в друга попала пуля.

Девушка в школьной форме вмешалась в разговор, не поднимая головы:

— Может, он ранен и лежит в больнице?

Помотав головой, ты ответил:

— Случись такое, он бы дал знать. Понимает же, что мы беспокоимся.

Девушка в светло-зеленой рубашке сказала:

— Тогда приходи сюда через несколько дней. Нам сообщили, что все трупы будут свозить сюда. Говорят, застреленных людей так много, что в моргах уже нет мест.

Девушка в школьной форме влажным полотенцем протерла лицо молодого человека, у которого штыком была проткнута шея, а из гортани торчал красный язык. Она закрыла выпученные глаза убитого, надавив на них ладонью, затем прополоскала и выжала полотенце. Красные брызги разлетелись от ведра во все стороны. Старшая из девушек выпрямилась и сказала:

— Послушай, если у тебя есть время, может, сможешь нам хотя бы сегодня? Очень нужны люди. Да и дело несложное... Надо разрезать ткань, сложенную вон там, и накрывать тела, что лежат на той стороне. Если кто придет и, как ты, будет искать родственника, надо откидывать покрывало и показывать по одному. Их лица сильно изменились, поэтому часто человека опознают только после того, как осмотрят одежду и все тело.

С того дня ты стал членом их отряда. Как ты и предполагал, Ынсук была ученицей выпускного класса старшей школы Суфия. А Сонджу, девушка в светло-зеленой рубашке с закатанными рукавами, оказалась швеей, работавшей в мастерской при магазине европейской одежды на улице Чхунчжан. Она рассказала, что как только в городе начались волнения, хозяйка магазина, супруги, забрали сына-студента и уехали в провинцию к родителям. Так она внезапно осталась

без работы. Услышав на улице обращение по микрофону, о том, что люди умирают из-за нехватки донорской крови, обе девушки, каждая сама по себе, отправились сдавать кровь в больницу при университете Чончжу. Когда они узнали, что администрации провинции, перешедшей на самостоятельное управление, требуются рабочие руки, то пришли помочь. Им, стоящим в растерянности, поручили уход за трупами.

В классе, где парты расставлены в зависимости от роста учеников, ты всегда сидел в первом ряду. В третьем классе средней школы, когда у тебя начался переходный возраст, ты заметно подрос и твой голос немного огрубел, однако ты все равно выглядел младше своих лет. Молодой человек по имени Чинсу, пришедший из координационного центра Управления провинции, увидел тебя и с удивлением спросил:

— Ты не первоклассник?* Работа здесь тяжелая, поэтому тебе лучше пойти домой.

Этому симпатичному старшему товарищу с большими глазами и длинными, как у девушки, ресницами, ему, приехавшему из Сеула на время отмены занятий в университетах, ты ответил так:

— Нет, я учусь в третьем классе средней школы. Для меня здесь нет ничего тяжелого.

И в самом деле, твою работу тяжелой не назовешь. Сончжу и Ёнсук укладывали покойников на доски из фанеры или пенопласта, заранее постелив на них полиэтиленовую пленку. Влажным полотенцем они вытира-

---

* В обязательную систему корейского образования входят начальная и средняя школы. Чинсу имеет в виду первоклассника средней школы. Всего в ней 3 класса. Большинству учеников первого класса средней школы 12 лет, последнего — 15.

ли покойным лица и шеи, расческой с частыми зубьями приводили в порядок волосы, а затем обматывали трупы пленкой, чтобы уменьшить трупный запах. А ты в это время отмечал в журнале пол умершего, примерный возраст, во что он одет и обут, а затем присваивал ему номер. Написав этот номер на плотной бумаге и прикрепив ее иголкой к груди трупа, ты укрывал его лицо белой холщовой тканью и с помощью девушек перекладывал к стене.

Чинсу, выглядевший как самый занятый человек в Управлении провинции, несколько раз в день прибегал к тебе, чтобы забрать внесенные в журнал сведения о погибших. Затем он писал объявление и вывешивал его на двери главного входа в административное здание. Тем родственникам, которые сами прочитали объявление или получили от кого-то эту информацию, ты показывал мертвое тело, откидывая с него белую ткань. Если его опознавали, ты отходил подальше и ждал, когда прекратятся рыдания. Покойников, приведенных в более-менее сносный вид, родственники переодевали в хорошую чистую одежду и ватой затыкали им носы и уши. Вот так упрощенно закончив церемонию положения во гроб, тела отправляли в школу. В твои обязанности входило лишь отмечать этот факт в учетной книге.

В этом деле ты не мог понять одного: почему во время короткой траурной церемонии, которая проводилась без соблюдения формальностей, семьи погибших пели государственный гимн. Станным казалось тебе и то, что родственники обязательно разворачивали национальный флаг и, накрыв им крышку гроба, обвязывали веревкой, чтобы полотнище не слетело. Зачем

людям, убитым военными, поют государственный гимн? Зачем их гробы накрывают флагом? Как будто их убило не государство.

Когда ты осторожно спросил об этом Ынсук, она широко раскрыла глаза и ответила:

— Так ведь военные подняли мятеж, чтобы захватить власть. Разве ты сам не видел? Среди бела дня солдаты избивали людей, кололи штыками, а когда не добились своего, начали стрелять. Это им военные приказали так делать. Разве можно назвать эту кучку генералов государством?

Ты растерялся. Казалось, тебе ответили на совсем другой вопрос. В тот день после полудня опознали как никогда много трупов, и в коридоре одновременно проводилось нескольких церемоний укладывания в гроб. Пока сквозь горестные рыдания то в одном, то в другом месте прорывалось пение гимна, ты, затаив дыхание, прислушивался к едва уловимому гармоничному звучанию, возникающему от наложения одного запева на другой. Как будто в эти минуты до тебя могло дойти, что такое государство.

※

На следующий день ты с девушками вынес несколько особо смердящих трупов во двор отдела по работе с обращениями граждан — уже не было места для вновь поступающих тел. Чинсу, пришедший своей быстрой походкой из Управления, с тревогой спросил:

— А что будете делать, если пойдет дождь?

Чинсу растерянно оглядывал проход, где из-за уложенных трупов негде было шагу ступить. Сончжу, сняв маску, ответила:

— Здесь так тесно, что остается только выносить во двор. Вечером их снова привезут, и что делать, не знаю. А как насчет спортивной школы? Это рядом. Может, там есть свободный зал?

Не прошло и часа, как подошли четверо мужчин, посланные сюда Чинсу. Судя по ружьям за плечами и каскам, доставшимся им от отступивших спецназовцев, до этого они стояли где-то на посту.

Пока мужчины укладывали в грузовик тела, лежавшие во дворе и в проходе, ты и девушки собирали вещи убитых. Ты медленно побрел в сторону школы вслед за уехавшим грузовиком. Было ясное утро. Проходя под молодыми гингко, ты без всякой мысли хватал низко склонившиеся ветки, касавшиеся твоего лба, а затем отпускал их.

Шагавшая впереди Ынсук вошла в школу раньше всех. Когда ты следом за ней перешагнул порог, она оглядывала заставленный гробами зал, держа в руках темные матерчатые перчатки с пятнами крови. Вошедшая за вами Сончжу обогнала тебя. Волосы, доходившие до плеч, она связала в тугой узел платком и заметила:

— Гробы все привозили и привозили, а сколько их всего, не знала... А как свезли все в одно место, так оказалось, что их и правда много.

Ты видел безутешных родителей погибших. Они сидели, касаясь друг друга коленями. Перед ними на крышке гроба стояла фотография в рамке. В изголовье одного из гробов поставили две стеклянные бутылки из-под фанты. В одной были воткнуты белые полевые цветы, а в другой горела свеча.

В тот вечер ты спросил у Чинсу, можно ли достать коробку свечей, и он, уверенно кивнув, ответил:

— Да, если жечь свечи, запах, наверное, исчезнет.

Все, что было необходимо, будь то хлопчатобумажная ткань, деревянные гробы, плотная бумага или национальные флаги, он тут же, стоило только попросить, фиксировал в записной книжке и доставлял к ним в течение суток. Он сказал Сончжу, что каждое утро ходит за покупками на рынок Тэин или Яндон, а если там не находит нужного, идет к столярам, работникам похоронных бюро или продавцам ткани. Сказал, что с этим больших проблем нет — еще осталось много денег из тех, что были собраны на митинге. К тому же, люди часто отдают товар дешево или совсем даром, когда узнают, что он пришел из Управления провинции. Сказал еще, что в центре города уже распродали все гробы, поэтому пришлось срочно раздобыть шпон и сколачивать их в столярных мастерских.

Утром Чинсу принес спички и пять коробок свечей, по пятьдесят штук в каждой. Ты обошел все углы главного административного здания и даже флигель, собирая пустые бутылки из-под напитков, чтобы сделать из них подсвечники. Ты стоял перед столом, одну за другой зажигал свечи и вставлял их в бутылки. Затем родственники погибших брали их и помещали перед гробом. Свечей хватило всем — они горели и в изголовьях тех, кто лежал без присмотра родственников, и тех, кого еще не опознали.

※

Каждое утро привозили новые тела и шло прощание с покойными. Сюда доставляли умерших из крупных больниц, а иногда родственники с блестящими лицами — то ли от пота, то ли от слез — сами приво-

зили покойника на тележке. Для каждого ты находил место, сокращая расстояние между гробами.

По вечерам прибывали трупы из других районов, где произошли столкновения протестующих с правительственными войсками. Это были погибшие на месте при огнестрельной атаке или умершие от ран в машине скорой помощи по пути в реанимацию. Тела совсем недавно скончавшихся людей еще не выглядели как тела мертвецов. Ёнсук, заталкивавшая им назад в живот полупрозрачные кишки, которые без конца вываливались, время от времени выбегала во внутренний двор, страдая от рвотных позывов. А Сончжу, у которой с детства, как она сказала, часто из носа шла кровь, запрокидывала голову назад и смотрела в потолок, надавливая на закрытую маской переносицу.

По сравнению с испытаниями, выпавшими на долю девушек, твоя работа оставалась все такой же простой. Ты делал то же самое, что и в отделе по работе с обращениями граждан: отмечал в журнале дату, время, записывал, как выглядит умерший, во что он одет и обут. Ты заранее разрезал хлопчатобумажную ткань на покрывала определенной длины и втыкал английскую булавку в плотную бумагу, чтобы на ней можно было сразу написать номер. Каждый раз, когда появлялась возможность, ты сокращал расстояние между гробами и неопознанными телами, освобождая место для новых поступивших. Однажды вечером, когда привезли слишком много убитых, не оказалось ни времени, чтобы подготовить для них места, ни свободного пространства. Поэтому пришлось сдвигать гробы как придется, вплотную друг к другу, не оставляя даже зазора. В тот вечер, оглядев мертвецов, полностью заполнив-

ших зал, ты вдруг подумал, что они похожи на толпу людей, договорившихся собраться в этом месте. Сунув учетную книгу под мышку, ты торопливо двигался в этой толпе безмолвных неподвижных тел, которые только и могли, что источать ужасный смрад.

*

«И правда прольется дождь», — думаешь ты, выйдя из зала и глубоко вдыхая. Желая подышать еще более чистым воздухом, ты идешь в сторону внутреннего двора, но мысль о том, что слишком далеко уходить не стоит, останавливает тебя на углу здания. Ты слышишь голос молодого человека, усиленный микрофоном.

«Мы не можем безоговорочно сдать и вернуть оружие на склады, как велят генералы. Сначала они должны указать, где находятся тела пропавших граждан. Должны освободить сотни людей, схваченных и брошенных в тюрьму. Но, прежде всего, нам нужно по всей стране распространить правду о том, какие беззакония творились здесь, и добиться обещания, что наша честь будет восстановлена. И только после этого мы можем вернуть оружие. Вы согласны со мной?»

У тебя вдруг появляется ощущение, что одобрительные крики и аплодисменты собравшихся звучат уже не так громко, как прежде. Ты помнишь митинг, начавшийся на следующий день после того, как из города ушли правительственные войска.

Люди забрались на крышу здания Управления провинции, на башню с часами и стояли там плотной стеной. Толпа из сотен тысяч людей бурлила, как огромная волна, заполонив собой все свободное пространство улиц, где теперь не ходил никакой транспорт.